

Кияненко Константин Васильевич
Вологодский государственный университет
Kiyanenko Konstantin
Vologda State University

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ SOCIAL STRATEGIES OF ARCHITECTURAL PROGRAMMING

И двух лет не прошло с тех пор, как появились первые русскоязычные публикации о феномене «архитектурного программирования», эволюционирующем в зарубежье более полувека [1,2]. Являясь по сути социальным программированием архитектурных решений, эта деятельность может быть поучительно разнообразна, обеспечивать разные социальные цели, содержание и результаты проектирования. Используя метод кейсов, автор рассматривает в данной статье три встречающиеся в архитектуре стратегии программирования из широкого спектра возможных. Тема затронута с намерением актуализировать гуманистическую этическую повестку в обсуждении современной российской архитектуры и соответствующие подходы к программированию.

Less than two years have passed since the first papers about the phenomenon of “architectural programming”, which evolves abroad for more than half a century, were published in Russian [1,2]. Being actually the social programming of architectural solutions, this activity can be instructively varied and aimed at diversified social objectives, design content and effects. The author applies case study method in order to analyze three strategies of architectural programming out of endless spectrum of the others. This subject is being addressed with the final intention to actualize humanistic ethical agenda and discuss contemporary Russian architecture and appropriate programming approaches.

Ключевые слова: архитектурное программирование, социальные стратегии, метод кейсов
Keywords: architectural programming, social strategies, case study method

Один из ведущих экспертов по рассматриваемой теме Роберт Хершбергер определил архитектурное программирование как «первую стадию в процессе архитектурного проектирования, на протяжении которой идентифицируются относящиеся к делу ценности клиента, пользователя, архитектора и общества (К – окружающего территориально-сообщества), вскрываются факты, касающиеся проекта, проясняются требования к проектируемому объекту». Таким образом, подчёркивает он, архитектурная программа – это «документ, в котором представлены выявленные ценности, цели, факты и потребности» [3, с.5]. За рубежом видение предпроектного этапа и исследования как преимущественно социального по содержанию глубоко укоренилось в профессии. Например, в США оно воплощено в издаваемом Американским институтом архитекторов (AIA) «Справочнике архитектора по профессиональной практике» [4]. В современной архитектурной практике России понятия «архитектурное программирование» и «архитектурная программа» не получили распространения. Заменяющими их концептами являются «разработка заданий на проектирование», «техническое задание», где, как показывают исследования автора, акценты расставлены по-другому, а основное

содержание – инженерно-техническое [2]. В какой мере разная трактовка сути архитектурных программ, технических заданий может отразиться на стратегиях программирования и способна повлиять на социальное качество проектов? – Для ответа на этот вопрос автор обратился к трём известным русскоязычной аудитории примерам. Их архитектурные программы либо ясно эксплицированы авторами, либо могут быть достоверно реконструированы из представленных решений, а также имеются доступные материалы, позволяющие оценить социальное качество программ и проектов с позиций разных заинтересованных лиц. За рассмотрением кейсов следует их сравнительный анализ и вывод о возможных и предпочтительных стратегиях архитектурного программирования.

Пример первый: проект здания Центральной библиотеки, г. Сиэтл, США; архитекторы Loschky, Marquardt & Nesholm (NML) и Office for Metropolitan Architecture (OMA – Р. Колхаас), 2004 г. (рис.1).

Здание библиотеки подробно и в основном благожелательно описано в профессиональной литературе. Разумеется, главное внимание в архитектурных текстах уделяется формам, выразитель-

Рис. 1. Здание Центральной библиотеки, г. Сиэттл, США

ному языку, пространственным концепциям и их реализации. Они, как нам представляется, и были главной заботой авторов. Но значительный интерес вызывает архитектурная программа здания, разрабатывавшаяся авторами целенаправленно и подробно и ставшая сегодня одним из хрестоматийных паттернов продвинутого программирования. Среди ключевых программных установок сами авторы упоминают следующие: пересмотр концепции библиотеки в пользу мультимедийности и одновременности использования всех медиа ресурсов на фоне признания роли бумажных носителей в цифровую эпоху; вместо ставшей общим местом «гибкости» создание пространственных отсеков, посвящённых конкретным задачам; организация функционально адресных программных кластеров (платформ) для уникальных целей использования; чередование по вертикали «стабильных платформ» и «нестабильных промежутков (in-between); отказ от «плоскостной», дискретной группировки литературы в книгохранилище по десятичному классификатору Дьюи в пользу единого спиралевидного пространства («книжной спирали»), где ресурс отдельных рубрик может пе-

рераспределяться между ними в ходе эксплуатации – главный элемент пространственного решения библиотеки [5]. Авторы демонстрируют процесс разработки программы: начинают с функциональной модели, полученной от заказчика, преобразуют её путём группировки однородных функций (консолидация программы), а затем перегруппируют функции согласно программной концепции на пять «стабильных платформ» и четыре «нестабильных промежутка» (рис.2). Платформы живописно взгромождены друг над другом и свободно упакованы в стеклянno-металлическую обёртку внешнего ограждения (рис.3).

Такой концептуально острый и изобретательный по части формы проектный результат признанных экспериментаторов не мог не быть принят восторженно профессией, критикой и публикой, архитектура здания отмечена многими наградами, в том числе - Американского института архитекторов (2005), Американского совета инжиниринговых компаний (2004). Здание признано очень успешным аттрактором для туристов, повысившим прибыльность примыкающих территорий даунтауна Сиэттла, удостоено премии

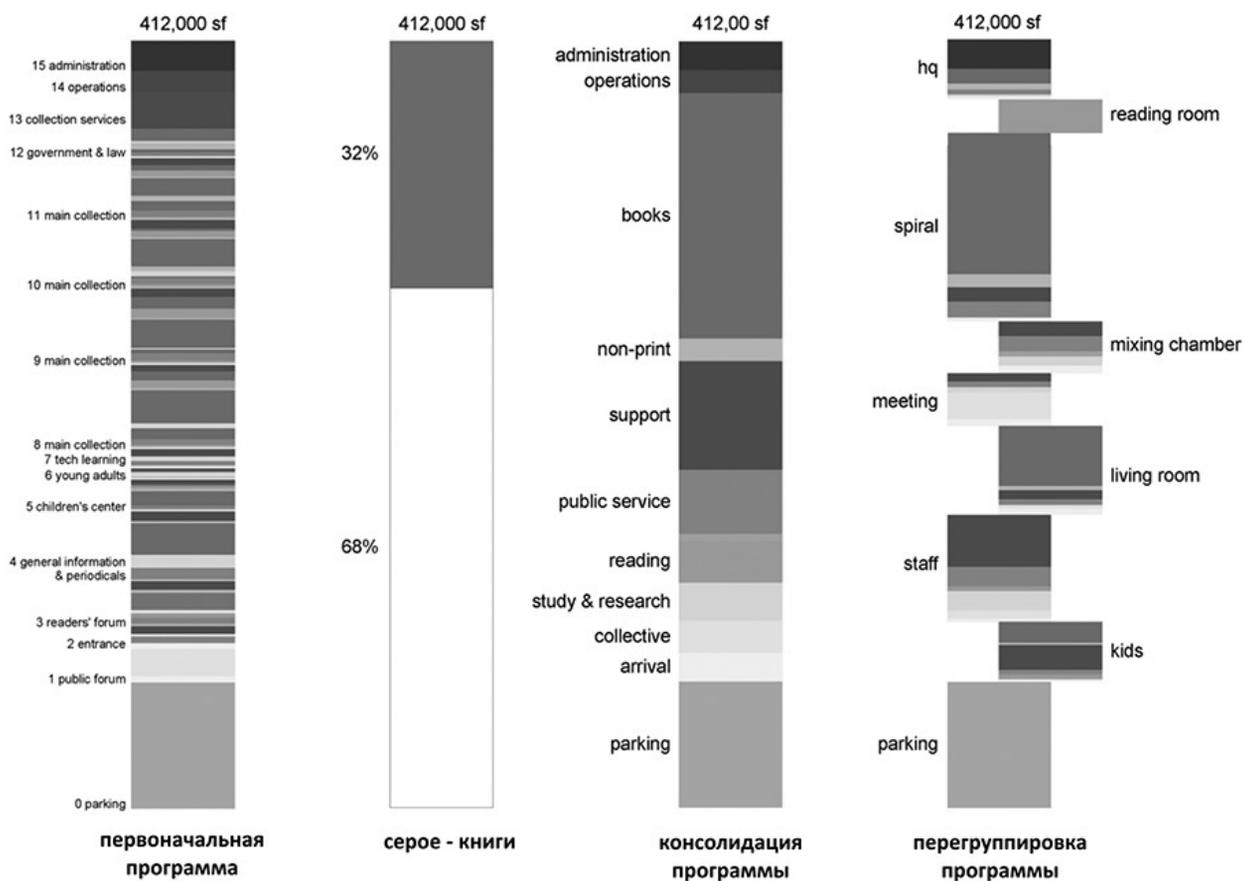

Рис. 2. Программная концепция Центральной библиотеки г. Сиэттла.

Time Magazine как «Здание года» (2004). Но по мере обживания библиотеки читателями, персоналом и горожанами стали всё чаще высказываться и оценки другого рода. Оставим за скобками претензии к форме, стилистике, образу здания и остановимся лишь на тех, что имеют отношение к программе.

Архитектурный критик Лоуренс Чик из местной газеты Post-Intelligencer отмечает, как хорошо документированный функциональный недостаток, интенсивный и беспорядочный вертикальный поток людей, а также неудобство библиотеки для чтения (!) из-за больших вертикально развитых пространств, где невозможно уединиться и слышно посторонние звуки, издаваемые множеством людей в сотнях футов от тебя (мобильные телефоны, разговоры...). Этот поток ещё увеличивается из-за острой нехватки туалетов (всего три на одиннадцатизэтажное здание!). «Книжная спираль» выглядит монотонно и ею неудобно пользоваться [6].

По данным специально предпринятого академического обследования с говорящим названием «Эстетическая и эмоциональная оценка публичной библиотеки Сиэттла и её связь с пространственной

конфигурацией» установлено, что в интерьерных пространствах библиотеки многим трудно ориентироваться и находить нужные направления. Вскоре после сдачи библиотеки в эксплуатацию администрация была вынуждена нанять компанию по разработке и установке системы указателей для облегчения навигации. Опрос читателей показал, что главное изобретение архитекторов – «книжная спираль» - оценивается как пространство «запутанное», где «легко потеряться», «самое узкое место библиотеки», «самое закрытое из всех помещений» (?!), «монотонное», «пустое», «немного разочаровывающее», которое «особенно трудно понять». На предложение выбрать шесть слов, характеризующих библиотеку, 70 % респондентов обратились к позитивным эпитетам («креативное», «стимулирующее», «инновационное»), а 30 % – к негативным («сложное», «непоследовательное», «обезличенное»). Похоже, что первая группа понятий относится к визуальным образам, получаемым при восприятии здания извне, а вторая – изнутри. Отмечается «отсутствие единого центрального пространства, откуда удобно добраться на любой этаж»; примечательно, но именно эту

Рис. 4. Посетители библиотеки г. Сиэттла

превратилась в дневное пристанище для бездомных, с характерными визуальными сюжетами, функциональными проблемами и... запахами. Перед открытием у здания выстраивается очередь страждущих, которые быстро заполняют упомянутые три туалета для утреннего омовения, а затем растекаются по читальным залам, коротая время в дневной дрёме, играя в шашки и шахматы, плуруя по закоулкам, сидя за компьютерами (рис. 4).

То, что общедоступные американские библиотеки часто становятся приютами для лиц «б.о.м.ж.», – факт известный. Некоторые заведения нанимают специальный персонал – социальных работников, санитарок для контактов с бродягами. Библиотеку трактуют как узел, где можно концентрированно заботиться об этих людях, решать вопросы медицинского и санитарного ухода, предоставления им жилищ, обеспечения работой, привития полезных навыков и обучения [9]. Авторы библиотеки в Сиэттле не пошли этим путём. Есть лишь косвенное свидетельство того, что, возможно, фактор бездомных был принят ими во внимание, но по-своему. Одна из первоначальных социальных целей архитекторов декларировалась как популярное нынче превращение библиотеки в социальный фокус местного сообщества. Однако после пуска здания в эксплуатацию достижение именно этой цели было поставлено под сомнение. Архитектуру библиотеки резко осудила организация Проект для общественных пространств, отметившая, что «будь библиотека истинным общественным центром, ее наиболее активные внутренние зоны соединялись бы непосредственно с улицей, распространяя свою деятельность вовне во всех направлениях. Именно в этом отношении библиотека Колхааса, запечатанная вдоль тротуаров и улиц вокруг нее, провалилась полностью» [10].

Рискнём предположить, что данный пункт программы мог быть проигнорирован авторами проекта сознательно, это и был их способ «решения проблемы» бездомных.

Итак, здание центральной библиотеки в Сиэттле, – весьма успешное как объект для привлечения туристов, как экстравагантная форма, любимое многими поклонниками звездитектуры (starchitecture), – оказывается заметно менее успешным с точки зрения реализации социально-пространственных установок, инспирированных самими авторами проекта. И происходит это, по нашему мнению, потому, что социальные цели были транслированы авторами в формат навязчивых архитектурных идей, концептуальных пространственных установок, которые сложились не на основе осмысления социально-культурных предпосылок и проблем, а сами по себе, как это нередко и происходит в архитектуре.

Пример второй: жилой район «Крутые ключи» («Кошелев-проект»), г. Самара, застройщик – корпорация «Кошелев», 2010 – 2025 гг. Расположен район примерно в десяти километрах к северо-востоку от Самары. Фото «Гугл планета Земля» от августа 2017 г. показывают в плане пятно застройки, близкое по очертаниям к прямоугольному треугольнику с катетами по 1,5 км и гипотенузой около 2,1 км примерной площадью в 110 га (рис.5). Всё это пространство освоено жилыми зданиями одного типа в нескольких внешне неотличимых вариантах – секционными домами в три этажа с семью – десятью квартирами на этаже, группируемыми вдоль межквартирных коридоров с преобладанием жилых ячеек односторонней ориентации (рис.6). Особого рода

известность в профессии и обществе Ключи получили благодаря пространственной модели освоения территории – сверхъестественно однообразной и плотной, в основном меридиональной строчной застройке с одинаковыми «разрывами» между длинными фасадами зданий в 12,5 – 15 м, по четыре секции в «строчке» и до двадцати пяти зданий, одинаковых как питомцы инкубатора, в параллельном ряду (рис.7). Это дежавю самых мрачных прототипов раннего индустриального градопланирования заслуживает отдельного обсуждения в части своих композиционных решений, и такое обсуждение в профессии ведётся см., напр., [11, 12, 13]. Остановимся на особенностях социального содержания архитектурной программы Крутых ключей.

Признаемся сразу, что автор проекта и застройщик архитектурную программу, особенно в отношении социальных гипотез и намерений, в целостном и исчерпывающем виде не эксплицировали. Во всяком случае нам в общедоступных источниках её обнаружить не удалось. Вместе с тем гипотезой нашего исследования стало то, что за каждым рыночным «Кошелев-проектом» лежит своя «Кошелев-программа». И не одна, а, как минимум, две: явная – рекламируемая, продаваемая и скрытая – выполняющая роль реального ориентира девелоперской деятельности. Наши выводы о программе Кошелев-проекта базируются на двух источниках. Отдельные констатации явной программы можно услышать из уст владельца компании-застройщика в рекламном ролике, выложенном в Интернете, обнаружить на сайте девелопера, а элементы скрытой – декодировать из принятых и реализованных архитектурных и планировочных решений.

«Идея Крутых ключей, по словам В. Кошелева, была дать нужный продукт», «избавиться от спекулятивной цены на квартиру» [14]. Застройщик подчёркивает как цель — создавать жилище, доступное по стоимости, прежде всего, молодым семьям, не имевшим на момент инициации проекта никаких перспектив решения жилищных проблем, и при этом использовать исключительно рыночные механизмы продажи квартир по ипотечной схеме. По сути, речь шла в 2010 г. о создании не существовавшего тогда сегмента жилищного рынка самого низкого ценового сегмента (так называемого «эконом-класса»), определении и опробовании финансово-экономических, управленческих, строительно-технологических, градопланировочных и архитектурных принципов,

механизмов и стандартов его функционирования. Их воплощение в конкретные формы жилищ и городской среды стало настоящим социально-пространственным экспериментом. Этот крайне важный эксперимент, с социальными последствиями которого обществу ещё предстоит сталкиваться долгие годы, показал, на наш взгляд, весьма убедительно, что при нынешнем соотношении платёжеспособности населения, себестоимости строительства и алчности застройщиков рыночное жилище самого низкого ценового сегмента, без дополнительных дотаций и других форм помощи государства может быть только тем, чем оно и является в Кошелев-проекте, т.е. неприемлемой примитивизацией, обеспечением ценовой «доступности» путём потери уже привычного для обитателя массового городского жилища уровня «комфортности», качества среды.

Скрытой, но постоянно самопроявляющейся в архитектурно-пространственных формах социально-культурной повесткой Крутых ключей является триада, которая описывается взаимосвязанными понятиями: типизация, унификация,

Рис. 5. Жилой район «Крутые ключи» («Кошелев-проект»), Самара, 2010 – 2025 гг.

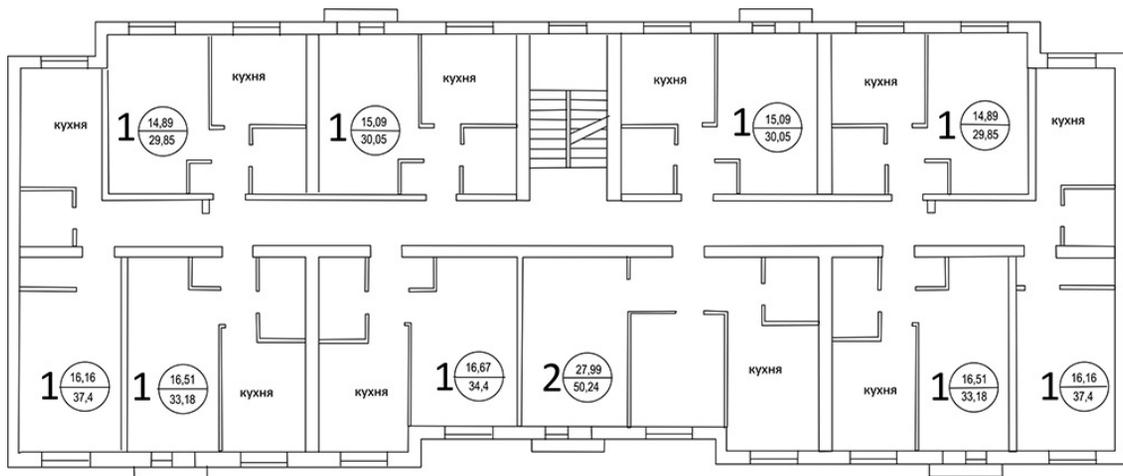

Рис. 6. Крутые Ключи. Планировка типового здания

Рис. 7. Крутые Ключи. Панорама застройки

тиражирование — людей, семей, жизненных ситуаций и образов жизни, квартир, домов, дворов... Все эти понятия — из языка уходящей индустриальной культуры. Если верить идеологии постиндустриализма, они на наших глазах устаревают и должны уступить место индивидуализации, диверсификации и креативной инновационности. Но, как оказывается, — не в отношении эконом-жизни эконом-людей, населяющих эконом-жилище в эконом-районе. Здесь модернистские ценности ещё очень даже в ходу, пусть кто-то их разделяет и вынужденно. Собственно модель «эконом-жизни» людей является главным социо-

культурным продуктом Кошелев-проекта, вызывающим энтузиазм у политиков, власти, застройщиков, принявших как доказанное практикой, что людям нужно для счастья гораздо меньше, чем казалось ещё недавно, а значит, на них можно меньше тратить и больше зарабатывать. Этот же продукт инстинктивно или вполне осознанно отвергается людьми, способными разглядеть в нём инструмент угнетения естественного разнообразия человеческого рода со стороны имущих власть и ресурсы.

В массовом сегменте жилищного рынка, которому принадлежит рассматриваемый проектный

продукт, социальные стратегии архитектурных программ могут разрабатываться не архитекторами, а застройщиками. И даже не застройщиками, а обстоятельствами. Так, программа Крутых ключей стала продуктом стечения целого ряда внешних предпосылок, среди которых — появление в руках частных собственников крупных земельных участков, особенности Градкодекса, позволяющего не проходить государственную экспертизу при проектировании трёхэтажных зданий, проектные нормы на «разрывы» между зданиями, низкая покупательная способность населения, «сделавшая востребованными квартиры по минимальной стоимости» [12, с.17]. Сыграло роль отсутствие конкуренции в сегменте недорогой недвижимости, а также внятной государственной и муниципальной жилищной политики в поддержку качества и разнообразия жилой среды, низкий уровень притязаний покупателей жилищной недвижимости. Вот эти обстоятельства и были обозначены архитекторами и программистами Кошелев-проекта.

Мы уже дали ряд оценок социальному содержанию архитектурной программы проекта. Остаётся подкрепить их социологическим материалом.

Предсказуемо позитивна оценка застройщика, рассматривающего проект как «универсальную модель» для многократного тиражирования не только в Самаре, но и по всей России (этот процесс уже запущен в Калуге). Корпорация не жалеет лестных эпитетов, характеризуя район как «молодой, уютный, благоустроенный», «чистый», «дружный», «с характером маленьких европейских городков», как «полноценный город», где создана «атмосфера домашнего комфорта», реализована «продуманная организация внутриквартального пространства» и т.п. [15]. Для того чтобы усомниться в объективности некоторых оценок, достаточно просто освежить в памяти иллюстрации.

Отношение жителей района к собственному месту обитания может быть отчасти выявлено из публикаций Самарского фонда социальных исследований, проводившего анализ статистики, опросы и фокус-группы [16, 17]. Крутые ключи населяют люди преимущественно среднего и молодого возраста, с высоким уровнем образования, работающие, с более весомым, чем по городу в целом, социальным статусом (13 % — менеджеры компаний высшего и среднего уровня, 39 % — специалисты с высшим образованием, творческие работники и индивидуальные предприниматели),

женатые (76 %), с вдвое более высокими доходами и более оптимистичным восприятием жизни. То есть это отнюдь не депрессивный район, как можно предположить по фотографиям застройки. По оценке социологов, в районе складывается благоприятная социальная среда, формируются новые территориальные соседские сообщества, «рождается особенная форма ... соседских связей, при которой соседи ближе, чем родственники» [17, с.38]. Но заметны и иные настроения. 31% жителей отмечают «монотонную жилую застройку, плохую архитектуру» [13, с.120]. В качестве причин приобретения жилища именно в данном районе только 4 % опрошенных отмечают качество жилищ, а 7 % — планировку и размер квартир (в другом новом самарском районе Южный город таких семей 19 % и 20 % соответственно). Есть сведения о том, что жители собирались организовать добровольную дружину для обеспечения безопасности на улицах» [17, с.39]. Торцы вновь строящихся домов индивидуализируют изображениями разных представителей фауны, чтобы хоть немного облегчить людям ориентацию в невероятно однообразной среде, «помочь определить /.../ местоположение» в районе» (!).

Анализ интернет-ресурсов, где активно общаются компьютерно продвинутые жители района, показывает, что общая эмоциональная атмосфера здесь скорее позитивная. Что можно объяснить и молодостью, и перспективами, и самим фактом недавнего жилищного обустройства в биографии этих людей. Но недостатки отмечаются здесь намного чаще, чем в отчётах социологов. Многие сообщают о проблемах, вызванных унификацией архитектуры и среды. «Два года уже как там (К — в Крутых ключах) тёща живет. Не могу даже визуалью запомнить расположение дома», — пишет один посетитель сайта [18]. Вот похожий пост на эту же тему: «Ирония судьбы» нервно курит. Два раза пытался там чувака найти, оба раза обломался» [там же]. Житель района описывает конкретный случай: «История со мной приключилась. Неделю как жил тут (К — в Крутых ключах), табличек ещё не было, все дома одинаковые. Отмечали что-то, приехал ночью /.../. Вышел на перекрёстке из такси и не пойму, где мой дом. Ходил полчаса, в двери стучался (домофонов не было). Нашёл, в общем, но было страшно» [там же]. О проблеме чрезмерной плотности застройки говорит, например, следующее сообщение: «В угловых квартирах вид красивый: кроме соседских окон (К - !!!) помещается в обзор ещё часть бульвара, детская

площадка /.../» [19]. Или такой текст: «... налепят вплотную друг к другу дома, повесят запрещающие знаки и паркуйся где хочешь...». В сходство Кошелева с «маленьким европейским городком» после этих строк верится как-то меньше.

Оценка района и условий жизни в нём населением остальной Самары в основном примечательно негативна. Большинство аутсайдеров видит и ощущает в нём, в первую очередь, то самое насилие над разнообразием человеческой природы, которое, по нашему мнению, и лежит в фундаменте скрытой программы, и является ценой, которую вынуждены платить люди за экономическую доступность. В среднем менее образованные, экономически благополучные и более возрастные жители города оказались восприимчивее к крайним формам типизации, унификации и тиражирования. В их отзывах Кошелев-проект сравнивают с «казармами», «тюрьмой», «гетто», «бараками», «курятниками», «резервацией», «концлагерем», именуют «патогенной зоной», «кладбищем», «матрицей». Как всё хорошее и всё плохое, Кошелев-проект обрывает в общественном сознании охотно воспринимаемыми и распространяемыми слухами и мифами. «А я вот слышал, что с третьего этажа ванна упала до первого», «говорят, чайник включаешь – отключается электричество», «через десять лет уйдёт всё под землю, куда-то поедет» и т.п. [17, с. 37-38]. Горожане с «большой земли» любят позлословить по поводу трудностей ориентации в пространстве района, крохотных «французских балконов», на которые только и входит, что четыре автомобильные покрышки, скверной звукоизоляции квартир, летнего перегрева помещений, отсутствия дворов, вытесненных транзитными проездами и другими нюансами эконом-жизни. Тем временем, в негативном внешнем фоне кто-то усматривает позитивные следствия. «Существующая асимметрия восприятия /.../, — пишут социологи, имея в виду оценки «своих» и «чужих», — порождает чувство сплочённости [у] жителей микрорайонов» [там же]...

Негативная оценка района архитекторами столь же предсказуема. Мало кто мог предполагать, что подвергавшиеся критике за свою запредельную экономичность, однообразие и негуманность посёлки строчной застройки 1920-х, кварталы 1950-х, микрорайоны 1960-х–1970-х гг., типовые меридиональные секции индустриального домостроения, модели «малометражных» квартир окажутся когда-нибудь (а это «когда-нибудь» наступило с реализацией Кошелев-проекта), чуть-

ли не светочами социально озабоченного проектирования, и уж точно – образцами профессионализма. В.П. Генералов и Е.М. Генералова нисколько не преувеличивают, когда утверждают: «Если сравнивать планировки типовых жилых серий советского периода и современного жилья эконом-класса, то, к сожалению, можно увидеть лишь деградацию планировочных решений, неумелое копирование старых планировок без адаптации к новым социально-экономическим условиям и технологиям строительства» [11, с.10]. Коллектив архитекторов СамГТУ выразил своё отношение к Кошелев-проекту через альтернативное предложение – Кошелев-2, позволяющее понять разницу социального содержания двух программ методом «от противного». Всё то, что принято за основу во второй версии Кошелева, отсутствует в первой: полноценная квартальная модель (Кошелев-1, строго говоря, не является ни кварталом, ни микрорайоном, ни комбинацией этих градопланировочных моделей); «горизонтальное взаимодействие проектировщиков и потенциальных покупателей» (ныне — это жёсткая модель корпоративного проектного патернализма); индивидуальная «сборка двора из элементов каталога» (вместо бесконечного клонирования нынешнего квази-двора – транспортного проезда); «компактная и разнообразная среда», «ясные границы локальностей» (вместо унифицированной линейности и смутности пределов строчных пространств) [20, с.42].

Кошелев-проект показывает, что официально провозглашаемые цели архитектурной программы (в данном случае - экономическая доступность жилищ) могут превращаться в непреодолимую преграду для реализации социально благоприятных решений (разнообразие, комфорт, социально-имущественная инклюзивность, интеграция жилищ и работы, экологичность, безопасность, укрепление существующего города и связей с ним, соучастие населения в проектировании ...) и, напротив, становится проводником архаичных и бесчеловечных подходов, если на роль цели выдвинуто средство, а истинная цель либо не осмыслена, либо не афишируема.

Пример третий: проект реконструкции квартала Вудвордс (Woodward's), г. Ванкувер, Канада; девелоперы Westbank Projects, Peterson Investment Group, архитектурное бюро Henriques Partners Architects, 2010 г. (рис.8).

К востоку от делового центра Ванкувера, в районе, называемом Гастаун, находится историче-

Рис. 8. Квартал Вудвордс (Woodward's), г. Ванкувер, Канада

ский сотый квартал площадью 1,44 га (160x90 м). Его известность, посещаемость и популярность в городе в течение почти столетия была связана с построенным здесь в 1903 г. зданием крупнейшего универсального магазина Woodward's. К 1993 г. универсам обветшал и закрылся, некогда оживлённый квартал стал быстро деградировать – бегство обеспеченного населения и концентрация низкодоходных и проблемных групп – безработных, бездомных, больных, наркоманов – брошенная недвижимость и сплошные проблемы для муниципалитета. Было несколько попыток начать реконструкцию территории, но они оказались либо непривлекательны для инвесторов (когда в основу программы принимались проблемы бедного населения), либо нереализуемы из-за противодействия

этой бедноты (когда программа нацеливала на радикальное повышение стоимости недвижимости). Последней каплей, заставившей власть действовать решительно, стало создание населением стихийной организации сквоттеров (незаконных захватчиков недвижимости), обосновавшейся в 2002 г. в пустующем универсаме и организовавшей общегородскую компанию против бегства из квартала бедных семей и за развитие здесь социального жилища. В 2003 г. участок выкупила муниципальная власть и объявила конкурс на проект редевелопмента квартала. Одно из десятка предложений поступило от группы, в составе которой было известное в городе архитектурное бюро Грегори Энрикеса (Gregory Henriques). Именно архитектор выступил инициатором проектной

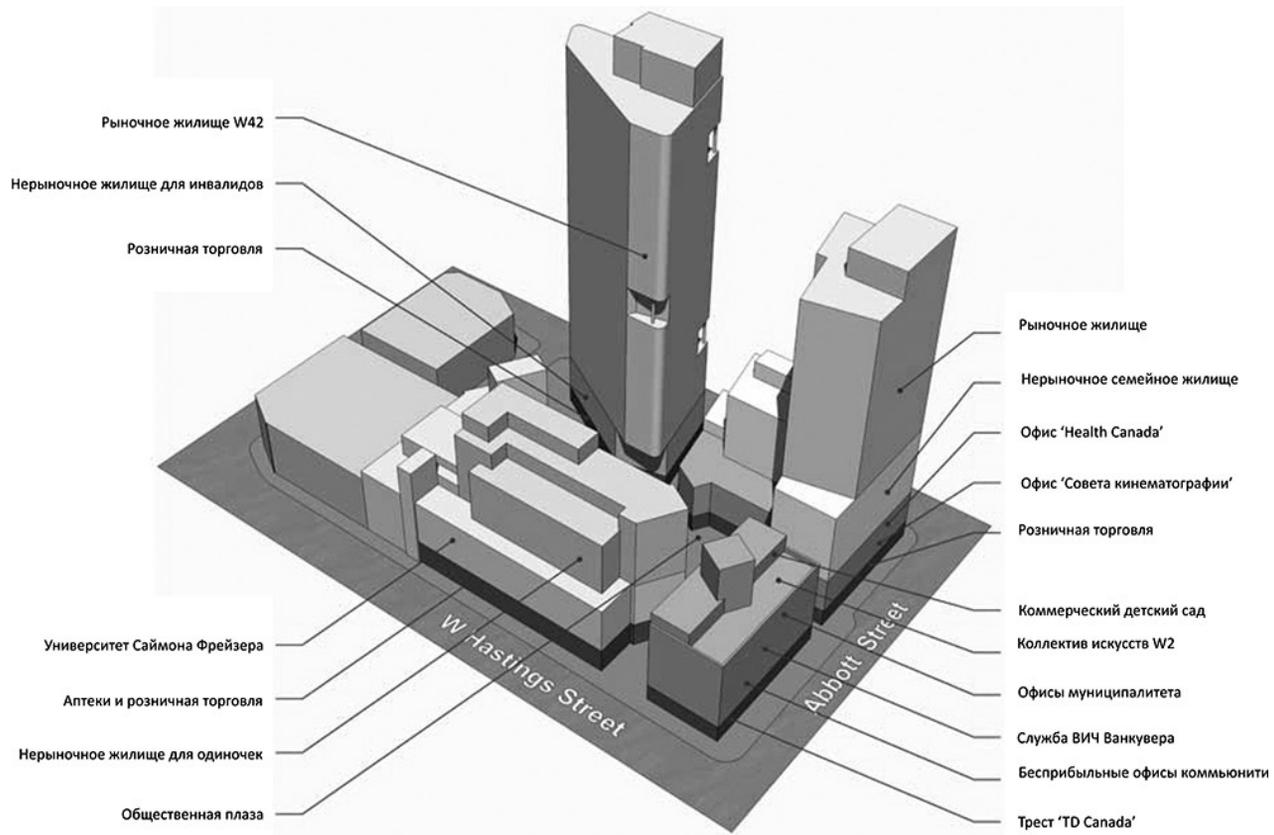

Рис. 9. Квартал Вудвордс. Смешивание социальных и рыночных форм

программы, которая полностью соответствовала полученному от муниципалитета «приглашению к разработке заявки» (request for proposal – RFP) и должна была решить проблему, несравнимую по сложности с двумя описанными выше кейсами. Архитектор смог заинтересовать своей идеей компанию-девелопера и получить от неё 50 тыс. долларов на разработку концепции. Каково же главное содержание программы?

Существует две традиционные стратегии обращения с деградировавшими бедными районами в Северной Америке – «оконтуривание красным» (redlining) и джентрификация. Первая предполагает негласный запрет на инвестиции в строительство и благоустройство территорий, пока всё не придёт в полную негодность, бедное население не покинет квартал полностью, после чего инвесторы реализуют рыночно привлекательную программу редевелопмента. Вторая стратегия – вытеснение бедного населения более обеспеченным за счёт дорогой реконструкции района, приводящей к непосильному для бедных повышению стоимости жизни и их вынужденному исходу. Программа Энрикеса оказалась уникальна тем, что она не предполагала ни один из этих путей [21].

В её основе – стратегия социально-имущественного смешивания домохозяйств с разными доходами и функций разной стоимости и прибыльности. Программа предполагала создание частно-общественного партнёрства с участием муниципалитета, двух инвесторов и местного университета. И бедные, и богатые должны были получить своё: широкий спектр форм социальных жилищ общим количеством двести квартир (для семей, для престарелых и инвалидов, для молодых одиночек), некоммерческие офисы для муниципальной власти, а также 536 рыночных квартир, объекты розничной торговли, общепита, аптеки, рыночные офисы, корпус университета, частный детский сад на крыше сохраняемого здания бывшего универмага. Муниципальная земля доставалась частным застройщикам бесплатно, но за это они обязались профинансировать снос и благоустройство, общественный атриум в центре квартала и строительство муниципальных офисов. Смешивание социальных и рыночных форм последовательно реализовано на уровне каждого из построенных объектов (рис.9).

Сегодня, вспоминая об этом проекте, архитектор подчёркивает, что созданная при его участии программа была большим профессиональным

и общественным риском. «Мы хотели, говорит он, собрать всех участников соседства вместе, объединяющим и инклюзивным способом. Но не было никаких гарантий, что это сработает. Это был настоящий эксперимент в социальном и пространственном смыслах» [22].

Реконструированный квартал привлекает большое внимание все семь лет своего существования. Общеизвестно, что в социальном плане его экспериментальная программа стала большим достижением. Об этом, в частности, говорится в специальном исследовании, предпринятом Институтом городской земли (Urban Land Institute) [23]. В основе успеха – кооперация усилий и согласование интересов всех стейкхолдеров: провинциальных и муниципальных властей, частных застройщиков, университета, организаций социального жилища, якорных торговцев, многочисленных групп местного комьюнити и даже жителей частных кондоминиумов. Особо отмечается роль архитектора как координатора усилий, трепетный диалог с представителями местных сообществ и сохранение историко-культурного наследия – здания универмага Вудвордс. Отмечается также как важная предпосылка успеха очень высокая плотность застройки, которая позволила «вместить» все интересы на небольшую территорию – ценой полного отказа от дворовых пространств, многоуровневого использования земли. До начала реконструкции квартал был одним из беднейших. По словам Энрикеса, «теперь, квартал превратился

в микрокосм города. Он включает богатых и бедных жителей, уличную культуру и высокую культуру, широкий спектр возможностей трудоустройства» [там же].

Пример Вудвордс свидетельствует, что архитектор может играть ключевую роль в разработке программы сложнейшего объекта, а сама программа – становится мостом, связывающим людей, людей с пространствами, более проблемное настоящее и менее проблемное будущее. Но это – особенный архитектор, без фанатизма относящийся к драматическим и острым архитектурным формам, искренне интересующийся проблемами людей, способный становиться координатором и лидером программной/ проектной команды.

В заключение сравним между собой три рассмотренных примера. Можно говорить о том, что каждый представляет определённый класс социальных стратегий архитектурного программирования (см. таблицу).

Стратегия типа «мясорубка», иллюстрируемая публичной библиотекой Сиэттла, широко распространена в сфере звездитектуры. На такое отношение к программированию нередко настраивают своих студентов и архитектурные школы, где, говоря «креативность» (ключевой критерий оценки программы), чаще всего имеют в виду не творческое решение человеческих проблем, а творческое самовыражение неповторимой личности автора (это и есть цель и программирова-

Сравнение социальных стратегий архитектурного программирования

Характеристики	Стратегии архитектурного программирования		
	типа «мясорубка»	типа «забор»	типа «мост»
Алгоритм программирования	Перемалывание всех социальных предпосылок в формат архитектурной идеи	Принятие социальных регламентов, предопределяющих решение	Переход от проблем и потребностей к социально значимым результатам
Цель программы	Творческое самовыражение автора	Легитимация априорного регламента	Идентификация социальных проблем
Стратегия действий	Художническая	Прагматическая	Гуманитарная
метод действий	Рефлексивный	Нормативный	Исследовательский
Критерий оценки программы	Креативность	Соответствие регламентам	Решение проблем
Учитываемая референтная группа	Профессия и критика	Все те, кто принимает решения	Все стейкхолдеры
Роль архитектора	Автор программы и решения	Технический разработчик, исполнитель	Лидер и координатор программной команды
Архитектурное решение	Формально-инновационное	Рутинное, тиражируемое	Социально-экспериментальное

ния, и проектирования). Проводя предпроектный социокультурный анализ здесь часто демонстрируют впечатляющую прозорливость и изобретательность по части добывания, осмысления и технической репрезентации жизненных фактов и обстоятельств в виде программ. Беда лишь в том, что художественная стратегия и рефлексивный метод действий, подспудная или явная, но непреодолимая жажда оригинальности, формальной оригинальности архитектурной идеи вынуждает авторов приходить к этой идее независимо от исследования и, случается, вопреки его результатам. Но это и не важно, существенным считается лишь успех у критиков и признаваемых профессиональной элитой собратьев по профессии.

И в коммерческой, и в бюджетной сферах есть стимулы и соблазны реализовать стратегию программирования типа «забор». Пример Кошелёв-проекта показывает, к какой архитектуре приводит в массовом сегменте рынка изначальный приоритет одного, но решающего социального ориентира – достижения экономической доступности жилищ, практически, любой ценой. Эта установка является непреодолимым барьером на пути реализации социально-благоприятных результатов проектирования, но не ими здесь вдохновлена программа. Проблема и способ её решения заданы без всякого исследования, как аксиомы, не требующие доказательств в силу своей очевидности, и программа нацелена на узаконение этих «истин». Как любая прагматическая и нормативная деятельность программирование этого типа оценивается по достижению предустановленного регламентированного результата (максимизация прибыли, минимизация издержек, «выход общей площади», темпы продаж и т.п.). Конечному пользователю это всё не интересно, но он и не является референтной группой. В оценке результата важно мнение тех, кто принимает решения (девелопер, инвестор, власть). Архитектор играет в программировании скромную роль технического разработчика и рассчитывает не на профессиональный успех, а на достойную оплату труда за результат рутинный, но многократно используемый.

Архитектурная программа может быть «мостом» между исходной ситуацией, обременённой проблемами, и проектируемым будущим, в котором эти проблемы разрешаются. Идентифицируя проблемы и вырабатывая стратегии их решения, архитектор действует в составе большой группы заинтересованных субъектов, и в самых ярких примерах, подобных описанному Вудвордс, он

становится лидером, координатором и вдохновителем этой программной команды. Получаемое решение проблем не так уж часто попадает в топ-списки архитектурных критиков, но куда важнее, что оно высоко оценивается всеми стейкхолдерами и реально улучшает жизнь людей, пополняя опыт позитивных социально-архитектурных экспериментов.

Как показывает сравнительный анализ рассмотренных кейсов, само по себе выполнение процедуры архитектурного программирования и даже изобретательность, инновационность предпроектных исследований ещё не гарантируют высокого социального качества проектных решений. Стремление обуславливать архитектуру априорными формальными идеями или непреодолимой силы предварительными установками может приводить к спорным или откровенно негативным социальным результатам – пусть даже архитектурные критики, профессия, власти и/или застройщики окажутся вполне удовлетворены. Программа и проект как социально-культурные «проекции» в будущее, где все интересы сбалансированы, а проблемы и потребности социально ущемлённых категорий рассмотрены, как минимум, наравне с другими, требует не только правильных процедур, но и правильной этической позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кияненко К.В. «Архитектурное программирование» как социальное исследование и предпроектный менеджмент [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2016. №2(54). URL: http://archvuz.ru/2016_2/1
2. Кияненко К.В. Стадия «предпроект» и проектное задание в архитектуре: статус и проблемы терминологии [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2017. №3(59). URL: http://archvuz.ru/2017_3/5
3. Hershberger R.G. Architectural Programming & Pre-design Manager / New York: McGraw-Hill, 1999. 505 p.
4. The Architect's Handbook of Professional Practice, 13th edition, - American Institute of Architects (AIA); John Wiley & Sons, Inc. 2000. – 987 p.
5. Seattle Central Library / OMA + LMN [Электронный ресурс] // ArchDaily. 10 February, 2009. URL: <http://www.archdaily.com/11651/seattle-central-library-oma-lmn>
6. Cheek L. 2007. “On Architecture: How the new Central Library really stacks up // Seattle PI, 2007. URL: <http://www.seattlepi.com/ae/article/On-Architecture-How-the-new-Central-Library-1232303.php>
7. Kuliga S. Aesthetic and Emotional Appraisal of the Seattle Public Library and its Relation to Spatial Configuration [Электронный ресурс] // Proceedings of the Ninth International Space Syntax Symposium.

Edited by Y O Kim, H T Park and K W Seo, Seoul: Sejong University, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Saskia_Kuliga/publication/281839217_Aesthetic_and_Emotional_Appraisal_of_the_Seattle_Public_Library_and_its_relation_to_spatial_configuration/links/55faa59608aeafc8ac3e4c82.pdf

8. The Seattle Public Library - Central Library [Электронный ресурс] // YELP. – URL: <https://www.yelp.com/biz/the-seattle-public-library-central-library-seattle>

9. Public libraries: The new homeless shelters [Электронный ресурс] // ALTERNET. - <https://www.alternet.org/progressive-wire/public-libraries-new-homeless-shelters>

10. Freid B. Mixing with the Kool Crowd [Электронный ресурс] // Project for Public Spaces. - URL: <https://www.pps.org/reference/mixing-with-the-kool-crowd/>

11. Генералов В.П., Генералова Е.М. Проблемы формирования массового доступного жилья в России // Градостроительство и архитектура. 2014. №4 (17). С.10-18.

12. Орлов Д.Н., Орлова Н.А. Практические варианты решений градостроительной структуры массового жилья эконом-класса // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре. Градостроительство: Сборник статей. Самара, 2017. С.217-220.

13. Филиппов В.Д. Эволюция строчной застройки: Крутые ключи, Самара, 2010-2015 гг. // Градостроительство и архитектура. 2016. №4(25). – С.112-121.

14. Вся правда о Кошелев-проекта [Электронный ресурс]. – Опубликовано 14 марта 2013 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L2z0sn6etLA>

15. Корпорация «Кошелев» [Электронный ресурс. – URL: <http://кошелевпроект.рф/koshelev>

16. Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю., Соловьёва Ю.В. Жители новых российских пригородов: «чужие» или «свои»? // Социологический журнал. 2015. Том 21. №4. С.61-79.

17. Звоновский В.Б., Меркулова Д.Ю. Конкуренция и солидарность в новых территориальных сообществах // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. №2 (124). С.35-40.

18. Сайт HODOR [Электронный ресурс]. – URL: <https://hodor.lol/post/105778>

19. Кошелев Клуб [Электронный ресурс]. – URL: <http://koshelevclub.ru>

20. Репина Е.А., Малахов С.А., Гниломедов А.С., Малышева С.Г., Лашенко С.В., Захарченко М.А., Романова Д.Н., Лопатина Л.Е. Естественный город – опыт научно-проектных разработок // Innovative Project. 2016.Т.1. №2. С.24-45.

21. WoodWards: The Competition [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xffj3ZWqsZw>

22. Henriques Partners Architects [Электронный ресурс]. – URL: <http://henriquezpartners.com/work/woodwards-redevelopment/>

23. Urban Land Institute: ULI Case Studies [Электронный ресурс]. – URL: <https://casestudies.uli.org/woodwards/>

REFERENCES

1. Kiyanenko, K. 'Architectural Programming' as Social Research and Predesign Management // Architecton: Proceedings of Higher Education. 2016. No 2(54). URL: http://archvuz.ru/2016_2/1

2. Kiyanenko, K. Pre-Design Phase and Design Brief in Architecture: Status and the Issues of Terminology // Architecton: Proceedings of Higher Education. 2017. No 3(59). URL: http://archvuz/2017_3/5

3. Hershberger R.G. Architectural Programming & Predesign Manager/ Robert G. Hershberger. – New York: McGraw-Hill, 1999. – 505 p.

4. The Architect's Handbook of Professional Practice, 13th edition, - American Institute of Architects (AIA); John Wiley & Sons, Inc. 2000. – 987 p.

5. Seattle Central Library / OMA + LMN // ArchDaily. 10 February, 2009. URL: <http://www.archdaily.com/11651/seattle-central-library-oma-lmn>

6. Cheek, L. 2007. "On Architecture: How the new Central Library really stacks up // Seattle PI, 2007. URL:

<http://www.seattlepi.com/ae/article/On-Architecture-How-the-new-Central-Library-1232303.php>

7. Kuliga, S. Aesthetic and Emotional Appraisal of the Seattle Public Library and its Relation to Spatial Configuration // Proceedings of the Ninth International Space Syntax Symposium. Edited by Y O Kim, H T Park and K W Seo, Seoul: Sejong University, 2013. URL: https://www.researchgate.net/profile/Saskia_Kuliga/publication/281839217_Aesthetic_and_Emotional_Appraisal_of_the_Seattle_Public_Library_and_its_relation_to_spatial_configuration/links/55faa59608aeafc8ac3e4c82.pdf

8. The Seattle Public Library - Central Library // YELP. – URL: <https://www.yelp.com/biz/the-seattle-public-library-central-library-seattle>

9. Public Libraries: The New Homeless Shelters // ALTERNET. - <https://www.alternet.org/progressive-wire/public-libraries-new-homeless-shelters>

10. Freid, B. Mixing with the Kool Crowd // Project for Public Spaces. - URL: <https://www.pps.org/reference/mixing-with-the-kool-crowd/>

11. Generalov, V.P. Problems of Large-Scale Housing Construction in Russia / V.P. Generalov, E.M. Generalova // Vestnik SGASU. Town Planning and Architecture. 2014. No 4. pp.10-18.

12. Orlov, D.N. Practical Solutions to the Urban Structure of Economy Class Mass Built Housing / D.N. Orlov, N.A. Orlova // Traditions and Innovations in Construction and Architecture. Samara State Technical University. 2017. pp. 217-220.

13. Filippov, V.D. Evolution of ribbon development: Krutye Klyuchi, Samara, 2010-2015 // Urban Construction and Architecture. No 4, 2016. pp. 112-121, doi: 10.17673/vestnik.2016.04.21

14. The Truth about Koshelev Project. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L2z0sn6etLA>

15. 'Koshelev' Corporation. URL: <http://кошелевпроект.рф/koshelev>

16. Zvonovsky, V.B. New Russian Suburban Settlers: 'Aliens' or 'Native'? / V.B. Zvonovsky, D.U. Merkulova, J.V. Solovieva // Sociological Journal. 2015. Vol. 21. No 4. pp.61-79.

17. Zvonovsky, V.B. Competition and Solidarity in the New Territorial Communities / V.B. Zvonovsky, D.U. Merkulova // Vestnik of Samara State University of Economics. 2015. No 2(124). pp.35-40.

18. HODOR. - URL: <https://hodor.lol/post/105778>

19. Koshelev Club. - URL: <http://koshelevclub.ru>

20. Repina, E.A. Natural City: An Experience of Research and Design Developments / E.A. Repina, S.A. Malakhov, A.S. Gnilomedov, S.G. Malysheva, S.V. Lashchenko, M.A. Zakharchenko, D.N. Romanova, L.E. Lopatina // Innovative Project. 2016. Vol.1. No 2. pp. 24-45.

21. WoodWards: The Competition. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xffj3ZWqsZw>

22. Henriques Partners Architects. – URL: <http://henriquezpartners.com/work/woodwards-redevelopment/>

23. Urban Land Institute: ULI Case Studies. – URL: <https://casestudies.uli.org/woodwards/>